

В литературе главное – кураж

Руслан ЯМАЛОВ

У Михаила ВЕЛЛЕРА в издательстве «Вагриус» только что вышла книжка «Вот тебе шиш!» (ну и ругался холодноватый и корректный Веллер, когда увидел восклицательный знак на обложке, — и правда, равнодушие куда более зрелое чувство, чем пафос). Но приехал он из своего Таллина не на презентацию, а для обсуждения с Денисом Евстигнеевым сценария нового фильма (см. «ОГ», № 5). Мы воспользовались кратковременным географическим совпадением.

— В повести «Ножик Сережи Довлатова», которая тоже вошла в новую книжку (вообще книжка производит странное впечатление — кажется, что редакция стремилась как можно полнее раскрыть разные стороны дарования Веллера и без ведома автора намешала туда всего понемножку: тут и «Легенды», и «Ножик», и «Правила всемогущества»), вы говорите о том, что миф, анекдот, сага, хроника из современной литературы ушли и переместились в историю литературы. И это пишется в то время, когда ваши же «Легенды Невского проспекта» печатают всюду.

— Но сейчас написать еще, скажем, одни «Легенды» невозможно. Хотя и сюжеты есть. Я посчитал как-то — набралось четыре сотни. Но все равно — для меня это жанр выработан. И потом легенды, анекдоты рождаются, когда есть трафарет.

— То есть когда социальная жизнь закреплена в каких-то неподвижных формах? Когда роли распределены четко?

— Ну да. Тогда можно обыгрывать и отход от трафарета. Сейчас же все смешалось, поэтому анекдот как трансформированного мифа — ведь в сущности «миф» и «анекдот» одно и то же, только застигнутое в осмысленное в разные времена — быть не может. «Легенды Невского проспекта» не могут быть написаны сейчас, а 10–15 лет назад это была бы — я это ясно ощущал — недолитература. Потом наступил 90-й год, и я почувствовал, что эта жизнь уходит, ее больше никогда не будет. Символы и знаки времени разрушаются.

— Пришло время легенд о времени. Кстати, «Легенды» — это правда?

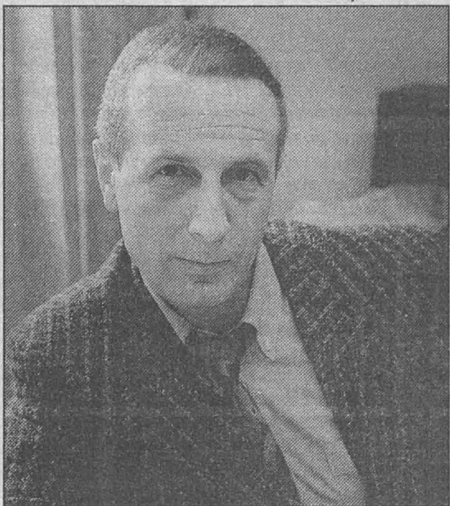
— За каждой стоит байка или история, которую я слышал, которую мне рассказали. Меня на самом деле не очень-то и интересовало, что было на самом деле. Моше Даян никогда не кончал советской бронетанковой академии. Но легенда есть — и есть рассказ. А иногда оказывается, что уже рассказанная история как-то давит на реальную историю и ее трансформирует.

— Мне кажется, что еще чуть-чуть, еще раз другой переиздать «Легенды» и индекс цитируемости у них будет, как у «Золотого теленка». Или это я какую-то завуалированную гадость сказала?

— Грубый комплимент. Кстати, после того как на радио в Санкт-Петербурге прочитали рассказ «Маузер Папанина», туда пришло письмо за подписью Александра Николаевича Яковлева с просьбой наших полярников не обижать.

Что касается намека, что «Легенды» — это массовая литература... У меня вызывает раздражение и неприятие так называемая современная проза, когда писатель говорит: мне так видится, я так самовыражаюсь. Мне кажется, что человек умный и образованный должен уметь сказать то, что он хочет сказать, так, чтобы тот, кто не владеет писательским ремеслом, мог это понять. У нас сейчас заранее отсекается какое-то количество читателей, которые не подготовлены к некой мере условности. Литература превращается в литературу для себя. Кто производит — тот и потребляет. А для массы создается субкультура. Это разграничение в принципе плохо.

Можно, конечно, говорить, что сюжет, фраза, слово — все устарело. Но та проза, которая выходит сегодня, эти «тупики» и «сундучки», простите, можно писать погонными километрами. В этой прозе нет ни художественной ценности, ни философских открытий. Ведь что в этом деле важно? Важно то напряжение, та энергия, которая возникает между материалом и текстом. Из этой-то энергии и рождается литературное качество. А когда этого напряжения нет — то и качество отсутствует. Потом эти бесконечные разговоры о русском постмодернизме. Когда я слышу, что постмодернизм — это постлитература, мне хочется сказать, что, в сущности, фекалии — это постпища. Все в литературе приходит и уходит. А реализм — как слово о жизни остается. А модернизм, как ни крути, производное от искусства. И мне эта производная не нужна. Литература вообще не должна зависеть от ситуационных эстетических концепций, от того, что сейчас говорят и читают.

Был некогда соцреализм, и для меня это было неприемлемо. Но когда пошла эта «чернуха-заумь», я понял вдруг, что это то же самое, что и соцреализм. И это тоже уже выработано. И это неинтересно чисто профессионально. Может быть, мое преимущество как раз в том, что я никогда не жил литературной жизнью. И я никогда не был снобом, который, по определению, презирает детектив. Мне вообще кажется, что Стругацкие, например, сыграли большую роль в литературе, чем Трифонов. Стругацких читали, цитировали, давали друг другу. Трифонов — хороший писатель. Но сейчас его для читателя нет. А Стругацкие — есть. Или презираемые байки. Я как-то размышлял: что оставляет литература будущим поколениям? Остаются герои, идеи, может быть, образ как носитель характера, выразительных черт. Остаются Одиссей, Тристан и Изольда, Круглый стол короля Артура, Дон-Кихот. Только не тот Дон-Кихот, которого Сервантес написал, а мифический, легендарный Дон-Кихот. Остаются Ромео и Джульетта. Шерлок Холмс. Д'Артаньян. Где Вольтер? Где Теккерей?

Чтобы было интересно — в этом есть зерно истины. Тот, кто рассказывает, всегда вносит какой-то «доворот» в события. Этот «доворот» есть то, что делает литературу литературой. А мне говорят сначала, что литература это банка с розовой краской, а потом, что литература это банка с черной краской. В мире есть все. И в человеке есть все.

— В рассказе «Паук» мальчик убивает паука. Последняя строчка — о мальчике: «Он чувствовал себя ничтожеством». Этот жестокий рассказ был написан до веселых «Легенд» или после?

— Это ранний рассказ. И мне вовсе не кажется, что рассказ жестокий. Он о непобедимости. Искандер, кажется, писал, что истинная ирония рождается на обратном пути — после того как заглянул в бездну. На этом пути может возникнуть что угодно — может байка, может рассказ, а может и трагедия.

— Кто из современных писателей вам все-таки интересен?

— Пелевин. И не «Омон Ра», а «Жизнь насекомых». Пелевина можно перечитывать. Он знает что к чему, он умеет. Вообще, в литературе самое главное — кураж. Как, сказать по правде, и во всем... Поэтому в России никогда не было хороших джазменов. Технические были и есть. Но на черта мне их техника. Мне надо, чтобы было дикое напряжение, и чтоб отстукивать ритм ногой под торжествующий вой заведенного зала. Все должно быть на нерве.

— Ага, значит, все должно быть интересно и понятно. А что делать, например, с Кантом?

— Когда кто-то делает что-то очень хорошо, это все равно понимаешь. Этот выброс энергии — творческой, как хотите ее назовите — все равно чувствуешь. Ведь если кто-то очень хорошо играет на рояле, я это соображу, правда? И к литературе это относится тоже.

— А что — все остальное тоже должно быть интересно? И языкознание, и философия?

— Ну конечно. Шопенгауэр сказал все очень простым языком, когда в философии все давно говорили очень сложно.

— А вот давайте представим, что надо сделать выбор: между плохой — нет, скажем, средней книжкой, не рассчитанной на широкого читателя, и средним бестселлером, маскультом. Что выберете?

— Последнее. Это-то хоть кому-то интересно.

Беседовала
Екатерина ДАНИЛОВА